

P.S. I Miss You

Читайте в серии:

P.S. I HATE YOU

P.S. I MISS YOU

Продолжение следует...

УИНТЕР РЕНШОУ

Rules and hearts were made for breaking. Rules and hearts were made for breaking. Rules and hearts were made for breaking. Rules and hearts were made for breaking. Rules and hearts were made for breaking.

P.S. I Miss You

Я ПО ТЕБЕ СКУЧАЮ

Freedom

Москва

2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
P39

Winter Renshaw
P.S. I MISS YOU

Copyright © Winter Renshaw, 2018
This edition published by arrangement with Taryn Fagerness
Agency and Synopsis Literary Agency

Реншоу, Уинтер.

P39 P.S. I Miss You. Я по тебе скучаю / Уинтер Реншоу ;
[перевод с английского М. В. Авдониной]. — Москва :
Эксмо, 2020. — 384 с. — (Freedom. Чувственная проза
Уинтер Реншоу).

ISBN 978-5-04-111544-9

От автора бестселлеров «Wall Street Journal» и Amazon.com
Дорогая Мелроуз!

Когда я впервые встретил тебя, ты была просто незнакомой
девушкой. Потом ты стала моей соседкой. А чуть позже дала понять,
что станешь для меня самой большой занозой в боку, какую
я когда-либо мог словить.

Ты слишком громко пела в душевой и тратила на себя всю
горячую воду.

Ты была чертовски напориста.

Ты делала мою жизнь сложной во всех отношениях.

Но, как бы я ни пытался, я не могу перестать думать о тебе.

Сказать по правде... я не могу перестать желать тебя.

Я собирался сказать тебе это.

Собирался отринуть свою гордость, все недомолвки и показать тебе ту часть моего «я», которую прежде не видел никто.

Но потом было признание, меняющее всё, взрыв такой силы, что я не смог ничего изменить.

Я до сих пор не понимаю, как я не предвидел этого.

Саттер

P.S. Я по тебе скучаю.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Авдониная М.В., перевод
на русский язык, 2020
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-111544-9

Она была не для каждого,
она была для меня.
АТТИКУС

ПРОЛОГ

Дорогая Мелроуз!

Когда я впервые встретил тебя, ты была просто незнакомой девушкой. Потом ты стала моей соседкой. А чуть позже дала понять, что станешь для меня самой большой занозой в боку, какую я когда-либо мог словить.

Ты слишком громко пела в душевой и трапила на себя всю горячую воду.

Ты была чертовски напориста.

Ты делала мою жизнь сложной во всех отношениях.

Но, как бы я ни пытался, я не могу перестать думать о тебе.

Сказать по правде... я не могу перестать желать тебя.

Я собирался сказать тебе это. Собирался отринуть свою гордость, все недомолвки и показать тебе ту часть моего «я», которую прежде не видел никто... Но потом было признание, которое словно взрыв все уничтожило.

Я до сих пор не понимаю, как я не предвидел этого.

Саттер

P.S. Я по тебе скучаю.

Глава 1

МЕЛРОУЗ

Я играла девушку, выгуливающую собак, в одной из серий «Уилла и Грейс».

Хозяйку кондитерской в каком-то фильме для канала «Lifetime».

Младшую сестру Райана Гослинга в инди-короткометражке, которая так и не вышла на экраны.

Жертву № 2 в одной из серий восемнадцатого сезона «Закона и порядка».

Но сегодня у меня самая сложная роль из всех: в реалити-шоу без камеры, именуемом «Девушка, всю жизнь обожает своего лучшего друга», Мелроуз Клейборн в роли... Мелроуз Клейборн.

Остановившись перед бунгало Ника Кэмдена в Студио-Сити, я расправляю плечи, приглаживаю свои белокурые волосы и нажимаю указательным пальцем на кнопку звон-

ка. Сердце колотится с такой силой, что мне кажется, будто оно выпадет и рухнет на пол, едва Ник откроет дверь — но я надеюсь, что бабочки, трепещущие в моем животе, успеют перехватить падающее сердце.

Он оказывает на меня такой эффект.

Каждый. Чертов. Раз.

И это о многом говорит, потому что меня не так-то легко заставить нервничать или выбить из колеи. Но мое чувство к нему с годами только крепло и, оставаясь безответным, становилось все сильнее.

Но вчера вечером, ни с того ни с сего, Ник позвонил мне — и это странно, потому что он никогда не звонит, только пишет сообщения. Он настолько не любит телефонные звонки, что на его телефоне постоянно включена вибрация, и его автоответчик переполнен голосовыми сообщениями за шесть с половиной лет.

— Мел, мне нужно поговорить с тобой завтра, — сказал он едва ли не с волнением. Но в его голосе слышался намек на улыбку, на странное веселье. — Это очень важно.

— Ник, ты пугаешь меня, — ответила я ему, гадая, не подбросил ли кто-нибудь ему в выпивку какой-нибудь наркотик, отчего

Ник сейчас не в себе. — Просто скажи, раз уж позвонил.

— Я должен сказать тебе это лично. И должен спросить у тебя кое-что дико важное, — сказал он. — О боже, это просто безумие. Я невероятно нервничаю, Мел. Но я скажу тебе сразу же, как только ты приедешь сюда завтра. Я уже давно хотел тебе об этом сказать, но не мог. Не мог до сего момента. Но теперь могу. И я не могу больше ждать. Это важно, Мел. Это... о боже.

— Ник... — Я расхаживала по своей спальне, прижав левую руку ко лбу. За все время нашей дружбы — почти двадцать лет — я никогда не слышала, чтобы Ник был так взволнован. — Ты не можешь просто сказать мне сейчас?

— Приходи завтра, часа в три, — ответил он. — Об этом нужно беседовать лично.

Я еще раз звоню в дверь, потом проверяю время на телефоне. Подавив зевок, я поднимаюсь на цыпочки и пытаюсь заглянуть внутрь сквозь стеклянные боковые панели двери. Зная Ника, я могу предположить, что он передумал или выскочил за буррито, встретил кого-нибудь знакомого и увлекся разговором.

Но, с другой стороны... он так настаивал на том, что должен лично поговорить со мной в три часа об этой «дико важной» вещи. Вряд ли он мог о таком забыть.

Всю ночь я вертелась в постели, пытаюсь догадаться, что это могло бы быть. Странно, как можно знать человека настолько долго и при этом самым прискорбным образом не понимать его.

Во времена моего детства Ник жил по соседству, и мы с ним были неразлучны с того дня, как его семья переехала в наш район. Я познакомилась с ним у ручья, где он ловил лягушек — и я едва ли не силой заставила его отпустить их на волю. К вечеру мы сообразили, что его комната расположена на втором этаже — и моя тоже, только в нашем доме, так что можно подавать сигналы через окно. А к концу недели он подарил мне портативную рацию и сказал, что я его лучший друг.

Когда нам было по десять лет, он преподнес мне «подвеску дружбы» — вроде тех, которые девочки обычно дарят другим девочкам. Он отдал мне половинку с надписью «лучший», а сам носил ту, на которой было

написано «друг», но всегда прятал ее под рубашкой, чтобы никто не распускал сплетни — впрочем, кто-то стал бы их распускать.

Ника любили все.

Летом, после окончания седьмого класса, Ник резко повзрослел, и все изменилось.

Его голос стал ниже.

Его ноги сделались длиннее.

Даже черты его лица стали более четкими и выразительными.

Он словно вырос за пару месяцев, и я поняла, что смотрю на него так, как не смотрела никогда прежде. А когда ночью закрыла глаза, то обнаружила, что думаю о том, каково было бы целоваться с ним.

До того я могла прибежать в соседний двор с неаккуратно собранными в хвост волосами и спросить, не хочет ли Ник покататься на велосипеде... и буквально на следующий день я уже стала тщательно причесывать волосы и наносить на губы мятный бальзам перед каждой встречей с ним.

Я вдруг поняла, что не могу смотреть на него, не краснея при этом.

К несчастью, стремительное преображение Ника заметила не только я.

Дверь распахивается с коротким скрипом, и я даже не успеваю осознать, что происходит, когда Ник сгребает меня в охапку и кружит по крыльцу своего съемного бунгало.

— Мелли! — Он утыкается лицом мне в плечо и сжимает меня так сильно, что я не могу дышать, а бабочки у меня в животе едва не превращаются в кашу.

Я вдыхаю неизменный запах Ника, тот самый запах, который всегда вызывал у меня ощущение дома. Что-то похожее на едва заметный след табачного дыма, дешевого кондиционера для ткани и мыла «Irish Spring».

Ник вырос в Brentwude, он был сыном успешной сценаристки и не менее успешного композитора и мог бы без труда получить все — как в материальном, так и в профессиональном плане. Связи его родителей могли бы посрамить самого Стивена Спилберга.

Но Ник всегда желал быть обычным человеком, самостоятельно зарабатывающим на жизнь, и я уважала его за это.

— Ты только глянь на себя, — говорит он, ставя меня наземь. Он продолжает держать меня за руки, окидывая меня с головы до ног взглядом своих невероятных синих глаз. — Я уже несколько месяцев тебя не видел.

Три месяца, две недели и пять дней — но кто будет считать?

В прошлый раз мы встречались на моем дне рождения, и у барной стойки было столько народа, что я за весь вечер едва смогла обменяться с ним парой фраз. Мы договорились погулять с ним в следующие выходные после того дня, но его группа умчалась выступать в Вегас, а за день до его возвращения я уехала в Ванкувер на съемки фильма.

Это было какое-то вечное невезение: жизнь постоянно разводила нас в разные стороны в самое неподходящее время.

— Как тебе нравится это жилище? — спрашивает он, ведя меня в дом. Мои легкие наполняет запах моющего средства и стирального порошка, через спинку кожаного кресла в гостиной перекинут сложенный плед.

Я хмыкаю при мысли о том, что Ник перед моим приходом занимался уборкой. В юные годы он всегда был неряхой. Хотите пример? Как-то раз я споткнулась о его кроссовки, входя в его спальню, и едва не выбила себе передний зуб, падая на неаккуратную стопку виниловых пластинок. К счастью, мое падение смягчил пустой чехол от его гитары, но на следующий день Ник купил подставку для обуви.

— Нравится, — отвечаю я, осматривая его бунгало. В прошлый раз, когда я видела его, он жил в какой-то квартире в Толука-Лейк с четырьмя соседями. А до того сожительствовал с какой-то инстаграм-моделью по имени Кейденс Сент-Килда, но эти отношения оказались короткими, поскольку девушка желала заполучить его целиком и полностью, а этого Ник не мог дать никому — и я знала об этом. — Когда ты переехал сюда?

— В прошлом месяце, — отвечает он. — Взял в субаренду у кузена нашего барабанщика.

Звяканье кастрюль и сковородок на кухне свидетельствует о том, что мы не одни, но меня это не удивляет. У Ника всегда были соседи. Он отчаянный экстраверт. Он не может оставаться один дольше, чем на пять минут, но в этом нет ни назойливости, ни навязчивости. Скорее это проявление некой харизмы, вечной жизни на вечеринке и готовности хорошо провести время.

Я вслед за Ником прохожу в гостиную, и он указывает мне на центральную подушку кожаного дивана коньячного цвета. Потом начинает расхаживать по небольшой комнате, энергично потирая ладони.

— Ник, — со смехом говорю я, — ты ведешь себя как сумасшедший... ты это знаешь, да?

Его взгляд останавливается на мне, он на несколько секунд прекращает расхаживать.

— Я адски нервничаю.

— Тебе не нужно нервничать, когда ты рядом со мной. Никогда.

— Это другое. — Он снова останавливается на пару секунд. — Это то, о чем я никогда прежде тебе не говорил.

«О боже».

Мое сердце трепещет, и некая давно погребенная надежда прокладывает себе путь наружу, заставляя мои губы растянуться в улыбке — но я подавляю эту улыбку.

Я ни за что не признала бы этого вслух, но минувшей ночью изрядная часть моей души поверила в то, что Ник затеял это все ради того, чтобы сказать: он питает ко мне некие чувства и хочет встречаться со мной.

Это абсурдная идея, знаю.

Подобные вещи не происходят ни с того ни с сего.

Я не наивна, и я не идиотка. Я знаю, как малы шансы на то, что мой лучший друг, не видящий меня по многу месяцев, неожиданно восплачет ко мне любовью. Эти шансы, чест-